

ПО СТУПЕНЬКАМ ПАМЯТИ

— Сергей Владимирович, мы очень благодарны вам за то, что вы любезно согласились дать нам для публикации отрывки из книги, работу над которой вы сейчас заканчиваете. Не могли бы вы рассказать, как создавалась эта книга?

С таким вопросом наш корреспондент Н. Кушечник обратилась к народному артисту СССР С. Образцову.

— У меня есть и дети (моему сыну уже 61 год), и внуки,

и даже правнуки. Внуки большие. Один из них кандидат наук, другой — архитектор, третья, внучка, — режиссер. Я им иногда рассказываю эпизоды из моей жизни, и им всё это интересно. И я подумал: если моим внукам это интересно, значит, может быть интересно и внукам моих сверстников. И стал писать эту книгу, которая так и называется «По ступенькам памяти». Книга будет напечатана в журнале «Новый мир» в 1984 году.

ИВАН АФИНОГЕНОВИЧ

Как только был организован наш театр, я пошел по знакомому мне адресу и предложил Ивану Афиногеновичу Зайцеву и Анне Дмитриевне Тригановой присоединиться к труппе нашего театра. Именно присоединиться, а не слиться с нами.

Играть роли внутри наших спектаклей они, во-первых, не смогли бы, а во-вторых, это было бы просто расточительство.

То, что они играли и как они играли, прекрасно именно потому, что органично в своей традиционности. Никакими другими куклами не мог бы играть Иван Афиногенович, кроме тех, которых в унаследованных им традициях он сам вырезал из дерева, а Анна Дмитриевна, опять-таки в тех же традициях, одела и украсила стеклярусом.

И никакого другого текста не мог бы произносить Иван Афиногенович, кроме того канонического, который он знал с детства.

Чем дальше я знакомился с Зайцевым, тем больше росло мое к нему уважение. Рядом с ним я сам себе казался любителем, а он настоящим профессионалом в своей удивительной, на глазах уходящей от нас профессии.

От застенчивости и скромности он мало по себе рассказывал, и все-таки постепенно перед нами раскрывалась вся его жизнь.

Был он сыном циркового наездника. Дебютировал в цирке Гине на Воздвиженке, когда

ему было 7 лет. Плясал под гармошку камаринскую. Понравился. Публика кидала ему апельсины и деньги.

Потом был «клишником» (его подбрасывали в воздух, а он кувыркался), потом «каучуковым мальчиком» — складывался буквально в петлю. Не поймешь, где руки, где ноги.

Три года выступал у Гине, перешел в акробатический балаган Тарвита, потом... потом... невозможно все пересказать.

Был он, например, шпагоглотателем. Заглатывал одновременно толстую двенадцативершковую шпагу и шесть тонких шпаг. Да еще сверху кляли пудовый чугунный шар.

Однажды эфес шпаги сломался, и шпага опустилась в пищевод. Хозяева цирка испугались. Усадили Зайцева на извозчика и с Девичьего Поля повезли в Первую Градскую больницу.

От тряски по булыжной мостовой шпага опускалась все ниже и ниже. Привезли, подвесили за ноги и стали «поколачивать» по груди и животу. (Все это Зайцев очень весело рассказывал). Наконец, шпага вышла, и «крови вылилось стаканов пять».

Ну, сделали новую шпагу, Зайцев продолжал ее заглатывать.

Был он еще «диким человеком с острова Цейлона». Сидел в клетке, весь вымазанный йодом, в набедренной повязке из перьев, вращая глазами. Рычал, перегрызал горло живой курице (вечером из нее варили суп) и молился на луну. Абсолютную абракадабру молитвы он помнил

наизусть и нам ее говорил, никогда не ошибаясь. Относился он к этому серьезно, как к роли, а не как к надувательству.

Зайцев играл на гармошке, на балалайке. Замечательно показывал фокусы, наизусть знал сценарии балаганных пантомим «Взятие Плевны», «Сдача Османа Паши» и тексты механических театров «Въезд шаха персидского», «Похороны папы римского» и «Русско-турецкая война на суше и на море». Он знал еще народную пьесу «Путешествие купца Сидорыча в рай и ад», по сюжету очень похожую на гётевского «Фауста». Известно ведь, что Гёте взял «Фауста» у кукол. Они его играли еще в XIV веке.

В своих выступлениях, как артист нашего театра, Зайцев показывал фокусы, чревовещание с двумя куклами на коленях (эти куклы у профессионалов балаганщиков назывались Андрюшки), «верховых» кукол (каких мы называем петрушками, или куклами на пальцах) и, наконец, вместе с Тригановой цирковое представление куклами на нитках (акробаты, фокусники, жонглеры, танцоры).

Представление Зайцева длилось часа полтора и пользовалось у ребят огромным успехом.

...Наш театр обратился за признательностью с просьбой присвоить Ивану Афиногеновичу звание заслуженного артиста республики.

Было это в тридцать третьем году, во второй год жизни театра. Тогда в стране уже были известные кукольники. И Евгений Деммени в Ленинграде, и Нина Симанович-Ефимова в Москве, но никто из кукольников почетных званий не имел, а уж я-то и думать об этом не мог.

И вот первым из всех кукольников заслуженным артистом республики стал Иван Афиногенович Зайцев. Это прекрасно. Это просто чудо. Подумать только! Шарманщиков и петрушечников в царское время не пускали в городские дворы. Рядом с надписью «Свободен от

постоя» висели таблички «Вход мусорщикам и шарманщикам запрещается». Кукольник и шарманщик — это были профессии, равные профессии нищего.

В книге, регистрирующей похороненных на одном из кладбищ Чехословакии, есть запись: «Матей Копецкий — нищий», а сейчас Матей Копецкого знают, чтут и любят не только кукольники Чехословакии, но кукольники всей Европы. Вот так и Зайцев умер бы нищим, кабы не Октябрьская революция. Кукольник — заслуженный артист, равный заслуженным артистам драмы, балета, оперы. Разве не чудо?

Для Зайцева «заслуженный» звучало особенно точно. Он заслужил это всей своей благородной жизнью, всем своим невероятным трудом, всеми сотнями верст, которые он исходил по улицам и переулкам городов и проселочных дорог, неся отточенное, великолепное искусство народу, и прежде всего рабочим и крестьянам во дворах, на площадях и ярмарках.

Узнал о получении звания Иван Афиногенович уже лежа в больнице, где и умер. Его шарманка, его куклы у нас в музее. Там же портрет, написанный Ниной Симанович-Ефимовой. Вы все это можете увидеть, если приедете к нам в театр...

НА КРЫШЕ С ЮТКЕВИЧЕМ

Граждане, воздушная тревога. Граждане, воздушная тревога. Сирена. Долгая, воющая, навещающая ужас сирена.

Вечер. Мы с женой в нашей квартире на улице Немировича-Данченко. У нас в гостях актриса театра Моссовета знаменитая Серафима Бирман.

Граждане, воздушная тревога. Граждане, воздушная тревога. Мы знаем, что надо делать. Женщины скорее идти в бомбоубежище в подвал Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, а мне — бежать на крышу нашего дома.

Жена прощается и говорит, что она меня любит. Это на случай, если мы больше не встретимся. Женщины бегут по лестнице вниз, я наверх, на крышу. Там уже ждет меня кинорежиссер Сергей Юткевич. Ему ближе, он живет на последнем этаже.

Мы дежурные по крыше. В нашем распоряжении пожарный шланг, чтобы заливать огонь в случае пожара, и большие клещи, чтобы хватать ими зажигательные бомбы, если они упадут на нашу крышу.

По черному небу мечутся длинные лучи прожекторов. Ищут немецкие самолеты, и, как только найдут маленькую себребраную стрекозу и поведут ее, по небу летят к этой стрекозе пуктиры трассирующих пуль. Не долетают. Не долетают.

Дым, огонь, грохот взрыва. Сперва видно, потом слышно. Дым, огонь, взрыв. Взрывы, взрывы, мечущиеся огни пожаров. Дымы, как красные облака, ползут по небу...

Я москвич, родился в Москве, и каждый взрыв, каждый огненный столб регистрирует память. Это у Белорусского, это где-то на Красной Пресне, это на Каланчевке, а вот тот в Китай-городе.

Серебряные стрекозы выбросили парашюты с подвешенными к ним лампами, чтобы видно было, куда бросать бомбу. Качаются в небе и медленно опускаются светящиеся абажуры. На крышах соседних домов, как муравьи, бегают силуэты людей. Таких же дежурных, как мы с Юткевичем.

Неожиданно в небе огромная светящаяся виноградная гроздь. Только успел подумать «красиво», как весь этот виноград посыпался на нашу крышу. Зажигалки. Хорошо, что есть вторые

клеши. Хватаем горящие зажигалки и сбрасываем на улицу. Много. Не десять, не двадцать... Все сбросили.

Выкинь стрекоза эту сверкающую гроздь долей секунды позже, и попали бы зажигалки прямо на стоящие в нашем дворе грузовики со снарядами для зениток. Ничего бы не осталось от нашего дома, и не писал бы я сейчас то, что вы читаете.

Светлеет. Скоро утро. Я смотрю на кружащие над Москвой самолеты и думаю: кто они, эти летчики, бросающие на нас смерть? Неужели это те самые веселые белобрысы, добрые немецкие мальчишки, с которыми я играл на бульваре Шарлоттенбург? Им тогда было пять, шесть, семь лет. Прошло с тех пор шестнадцать. Значит, это они.

Что же случилось? Откуда взялась эта уверенная, сознательная злоба?

Тогда по Фазаненштрассе промчался мотоциклист со свастикой на рукаве. Он все вскидывал и протягивал вперед руку. Никто не обращал на него внимания. Не было ответов на его фашистское приветствие. А вот как все обернулось. Неестественно. Непонятно.

Сирена скорой помощи. Хватит ли у этой помощи автомобилей и врачей. Ведь сотни, а может, и тысячи убитых и раненых.

Граждане, воздушная тревога миновала. Отбой. Граждане, воздушная тревога миновала. Отбой. Небо голубеет. Ползут по небу дымы, где розовые от пожаров, где черные. По мокрой лестнице мы с Юткевичем спускаемся в свои квартиры. Ему рядом. Он на восьмом этаже. Мне подальше. Я на третьем.

Звоню маме с папой на Бахметьевскую. Они живы. Дочка моя в Казахстане, вместе с эвакуированными туда семьями академиков. Сын в Ленинграде, курсант военно-морского инженерно-строительного училища. Значит, пока все живы, а война не может быть долгой. Ну месяц, ну полтора. Не больше.

Вернулась жена с Серафимой Германовной. Пьем кофе и молчим. Почему-то молчим. А в голове все та же сверлящая мысль. Кто же они, эти люди, бросавшие на Москву бомбы, убившие за эту ночь столько москвичей? И детей, и взрослых, не сделавших им никакого зла? Кто они, и как все это может быть?